

Папаша — текст 1 из 2

Тонкая, как голландская сельдь, мамаша вошла в кабинет к толстому и круглому, как жук, папаше и кашлянула. При входе ее с колен папаши спорхнула горничная и шмыгнула за портьеру; мамаша не обратила на это ни малейшего внимания, потому что успела уже привыкнуть к маленьким слабостям папаши и смотрела на них с точки зрения умной жены, понимающей своего цивилизованного мужа.

Пампушка, сказала она, садясь на папашины колени, я пришла к тебе, мой родной, посоветоваться. Утри свои губы, я хочу поцеловать тебя.

Папаша замигал глазами и вытер рукавом губы.

Что тебе? спросил он.

Вот что, папочка... Что нам делать с нашим сыном?

А что такое?

А ты не знаешь? Боже мой! Как вы все, отцы, беспечны! Это ужасно!

Пампушка, да будь же хоть отцом наконец если не хочешь... не можешь быть мужем!

Опять свое! Слышал тысячу раз уж!

Папаша сделал нетерпеливое движение, и мамаша чуть было не упала с колен папаши.

Все вы, мужчины, таковы, не любите слушать правды.

Ты про правду пришла рассказывать или про сына?

Ну, ну, не буду... Пампуша, сын наш опять нехорошие отметки из гимназии принес.

Ну, так что ж?

Как что ж? Ведь его не допустят к экзамену! Он не перейдет в четвертый класс!

Пускай не переходит. Невелика беда. Лишь бы учился да дома не баловался.

Ведь ему, папочка, пятнадцать лет! Можно ли в таких летах быть в третьем классе? Представь, этот негодный арифметик опять ему вывел двойку... Ну, на что это похоже?

Выпороть нужно, вот на что похоже.

Мамаша мизинчиком провела по жирным губам папаши, и ей показалось, что она кокетливо нахмурила бровки.

Нет, пампушка, о наказаниях мне не говори... Сын наш не виноват... Тут интрига... Сын наш, нечего скромничать, так развит, что невероятно, чтобы он не знал какой-нибудь глупой арифметики. Он всё прекрасно знает, в этом я уверена!

Шарлатан он, вот что-с! Ежели б поменьше баловался да побольше учился... Сядь-ка, мать моя, на стул... Не думаю, чтоб тебе удобно было сидеть на моих коленях.

Мамаша спорхнула с колен папаши, и ей показалось, что она лебединым шагом направилась к креслу.

Боже, какое бесчувствие! прошептала она, усевшись и закрыв глаза. Нет, ты не любишь сына! Наш сын так хорош, так умен, так красив... Интрига, интрига! Нет, он не должен оставаться на второй год, я этого не допущу! Допустишь, коли негодяй скверно учится... Эх, вы, матери!.. Ну, иди с богом, а я тут кое-чем должен... позаняться...

Папаша повернулся к столу, нагнулся к какой-то бумажке и искоса, как собака на тарелку, посмотрел на портьеру.

Папочка, я не уйду... я не уйду! Я вижу, что я тебе в тягость, но потерпи...

Папочка, ты должен сходить к учителю арифметики и приказать ему поставить нашему сыну хорошую отметку... Ты ему должен сказать, что сын наш хорошо знает арифметику, что он слаб здоровьем, а потому и не может угождать всякому. Ты принудь учителя. Можно ли мужчине сидеть в третьем классе? Постарайся, пампуша! Представь, Софья Николаевна нашла, что сын наш похож на Париса!

Для меня это очень лестно, но не пойду! Некогда мне шлаться.

Нет, пойдешь, папочка!

Не пойду... Слово твердо... Ну, уходи с богом, душенька... Мне бы заняться нужно вот тут кое-чем...

Пойдешь!

Мамаша поднялась и возвысила голос.

Не пойду!

Пойдешь!! крикнула мамаша, а если не пойдешь, если не захочешь пожалеть своего единственного сына, то...

Мамаша взвизгнула и жестом взбешенного трагика указала на портьеру...

Папаша сконфузился, растерялся, ни к селу ни к городу запел какую-то песню и сбросил с себя сюртук... Он всегда терялся и становился совершенным идиотом, когда мамаша указывала ему на его портьеру. Он сдался. Позвали сына и потребовали от него слова. Сынок рассердился, нахмурился, насупился и сказал, что он арифметику знает лучше самого учителя и что он не виноват в том, что на этом свете пятерки получают одними только гимназистками, богачами да подлипалами. Он разрыдался и сообщил адрес учителя арифметики во всех подробностях. Папаша побрился, поводит у себя по лысине гребнем, оделся поприличнее и отправился пожалеть единственного сына.

По обыкновению большинства папашей, он вошел к учителю арифметики без доклада. Каких только вещей не увидишь и не услышишь, вошедши без доклада! Он слышал, как учитель сказал своей жене: Дорого ты стоишь мне, Ариадна!.. Прихоти твои не имеют пределов! И видел, как учительша бросилась на шею к учителю и сказала: Прости меня! Ты мне дешево стоишь, но я тебя дорого ценю! Папаша нашел, что учительша очень хороша собой и что будь она совершенно одета, она не была бы так прелестна.

Здравствуйте! сказал он, развязно подходя к супругам и шаркая ножкой. Учитель на минуту растерялся, а учительша вспыхнула и с быстротою молнии шмыгнула в соседнюю комнату.

Извините, начал папаша с улыбочкой, я, может быть, того... вас в некотором роде беспокоил... Очень хорошо понимаю... Здоровы-с? Честь имею рекомендоваться... Не из безызвестных, как видите... Тоже служака... Ха-ха-ха! Да вы не беспокойтесь!

Г-н учитель чуточку, приличия ради, улыбнулся и вежливо указал на стул. Папаша повернулся на одной ножке и сел.

Я, продолжал он, показывая г. учителю свои золотые часы, пришел с вами поговорить-с... Мм-да... Вы, конечно, меня извините... Я по-ученому выражаться не мастер. Наш брат, знаете ли, всё спроста... Ха-ха-ха! Вы в университете обучались?

Да, в университете.

Так-sss!.. Н-ну, да... А сегодня тепло-с... Вы, Иван Федорыч, моему сынишке двоек там наставили... Мм... да... Но это ничего, знаете... Кто чего достоин... Ему же дань дань, ему же урок урок... Хе-хе-хе!.. Но, знаете ли, неприятно. Неужели мой сын плохо арифметику понимает?

Как вам сказать? Не то, чтобы плохо, но, знаете ли, не занимается. Да, он плохо знает.

Почему же он плохо знает?

Учитель сделал большие глаза.

Как почему? сказал он. Потому, что плохо знает и не занимается.

Помилуйте, Иван Федорыч! Сын мой превосходно занимается! Я сам с ним занимаюсь... Он ночи сидит... Он всё отлично знает... Ну, а что пошаливает... Ну, да ведь это молодость... Кто из нас не был молод? Я вас не беспокоил? Помилуйте, что вы?.. Очень вам благодарен даже... Вы, отцы, такие редкие гости у нас, педагогов... Впрочем, это показывает на то, как вы сильно нам доверяете; а главное во всем это доверие.

Разумеется... Главное не вмешиваемся... Значит, сын мой не перейдет в IV класс?

Да. У него ведь не по одной только арифметике годовая двойка?

Можно будет и к другим съездить. Ну, а насчет арифметики?.. Хххе!..

Исправите?

Не могу-с! (Учитель улыбнулся.) Не могу-с!.. Я желал, чтобы сын ваш перешел, я старался всеми силами, но ваш сын не занимается, говорит дерзости... Мне несколько раз приходилось иметь с ним неприятности.

М-молод... Что поделаешь?! Да вы уж переправьте на троечку!

Не могу!

Да ну, пустяки!.. Что вы мне рассказываете? Как будто бы я не знаю, что можно, чего нельзя. Можно, Иван Федорыч!

Не могу! Что скажут другие двоечники? Несправедливо, как ни поверните дело. Ей-ей, не могу!

Папаша мигнул одним глазом.

Можете, Иван Федорыч! Иван Федорыч! Не будем долго рассказывать! Но таково дело, чтобы о нем три часа балясы точить... Вы скажите мне, что вы по-своему, по-ученому, считаете справедливым? Ведь мы знаем, что такое ваша справедливость. Хе-хе-хе! Говорили бы прямо, Иван Федорыч, без экивок! Вы ведь с намерением поставили двойку... Где же тут справедливость?

Учитель сделал большие глаза и... только; а почему он не обиделся это останется для меня навсегда тайною учительского сердца.

С намерением, продолжал папаша. Вы гостя ожидали-с. Ха-хе-ха-хе!.. Что ж? Извольте-с!.. Я согласен... Ему же дань дань... Понимаю службу, как видите... Как ни прогрессируйте там, а... все-таки, знаете... ммда... старые обычаи лучше всего, полезнее... Чем богат, тем и рад.

Папаша с сопеньем вытащил из кармана бумажник, и двадцатипятирублевка потянулась к кулаку учителя.

Извольте-с!

Учитель покраснел, съежился и... только. Почему он не указал папаше на дверь для меня останется навсегда тайной учительского сердца...

Вы, продолжал папаша, не конфузьтесь... Ведь я понимаю... Кто говорит, что не берет, тот берет... Кто теперь не берет? Нельзя, батенька, не брать... Не привыкли еще, значит? Пожалуйте-с!

Нет, ради бога...

Мало? Ну, больше дать не могу... Не возьмете?

Помилуйте!..

Как прикажете... Ну, а уж двоечку исправьте!.. Не так я прошу, как мать...

Плачет, знаете ли... Сердцебиение там и прочее...

Вполне сочувствую вашей супруге, но не могу.

Если сын не перейдет в IV класс, то... что же будет?.. Ммда... Нет, уж вы переведите его!

Рад бы, но не могу... Прикажете папиросу?

Гранд мерси... Перевести бы не мешало... А в каком чине состоите?

Титулярный... Впрочем, по должности VIII-го класса. Кгм!..

Так-sss... Ну, да мы с вами поладим... Единым почерком пера, а? идет? Хе-хе!..

Не могу-с, хоть убейте, не могу!

Папаша немного помолчал, подумал и опять наступил на г. учителя.

Наступление продолжалось еще очень долго. Учителю пришлось раз двадцать повторить свое неизменное не могу-с. Наконец папаша надоел учителю и стал больше невыносим. Он начал лезть целоваться, просил проэкзаменовывать его по арифметике, рассказал несколько сальных анекдотов и зафамильярничал. Учителя затошнило.

Ваня, тебе пора ехать! крикнула из другой комнаты учительша. Папаша понял, в чем дело, и своею широкою фигуркой загородил г. учителю дверь. Учитель выбился из сил и начал ныть. Наконец ему показалось, что он придумал гениальнейшую вещь.

Вот что, сказал он папаше. Я тогда только исправлю вашему сыну годовую отметку, когда и другие мои товарищи поставят ему по тройке по своим предметам.

Честное слово?

Да, я исправлю, если они исправят.

Дело! Руку вашу! Вы не человек, а шик! Я им скажу, что вы уже исправили.

Идет девка за парубка! Бутылка шампанского за мной. Ну, а когда их можно застать у себя?

Хоть сейчас.

Ну, а мы, разумеется, будем знакомы? Заедете когда-нибудь на часок попросту?

С удовольствием. Будьте здоровы!

Оревуар! Хе-хе-хе-хмы!.. Ох, молодой человек, молодой человек!..

Прощайте!.. Вашим господам товарищам, разумеется, от вас поклон?

Передам. Вашей супруге от меня почтительное резюме... Заходите же!

Папаша шаркнул ножкой, надел шляпу и улетучился.

Славный малый, подумал г. учитель, глядя вслед уходившему папаше.

Славный малый! Что у него на душе, то и на языке. Прост и добр, как видно...

Люблю таких людей.

В тот же день вечером у папаши на коленях опять сидела мамаша (а уж после нее сидела горничная). Папаша уверял ее, что сын наш перейдет и что ученых людей не так уломаешь деньгами, как приятным обхождением и вежливым наступлением на горло.

До свидания! (франц. au revoir).

